

ПОЧТИ 40 ЛЕТ СПУСТЯ Б. ДОКТОРОВ И Б. ФИРСОВ ВСПОМИНАЮТ О ЛЕНИНГРАДСКИХ ОПРОСАХ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В 1970-Х.

Введение. Почему и что мы вспоминаем

БД: Так получилось, БМ, что разделенные расстоянием и уже 15 лет не связанные никакими исследовательскими проектами, мы разными путями подошли к одной делянке и, не сговариваясь, стали обследовать ее и пытаться культивировать. Я имею в виду историю современной российской социологии.

Ты к этому предметному полю подошел десять лет назад, поделился своими впечатлениями со студентами и затем просуммировал все увиденное в книге [1]. Это был рубеж веков. Потом тебя заинтересовали некоторые особенности массового сознания советских граждан в 40-х – 60-х годах, и итогом этой работы стала книга о разномыслии в СССР [2]. По горячим следам, сразу после публикации этой книги мы говорили с тобой о ней [3]. И хотя ты не признал, что она стала продолжением твоих историко-социологических разработок, я не только остаюсь при своем мнении, но в течение прошедшего года еще более убедился в нем. В той книге присутствуют люди нашего цеха, а в твоём освещении духа первых двадцати послевоенных лет и сознания людей, живших в те годы, отражены не только твои личные наблюдения и переживания, не только опыт писателей, историков, публицистов и культурологов, пытавшихся осмыслить то время, но и советских социологов, в частности, Бориса Грушина, Владимира Шубкина и Владимира Шляпентоха. Наконец, сейчас ты перерабатываешь свою книгу по истории советской социологии, значит – не оставил указанную делянку, тебя постоянно что-то притягивает к ней.

А не мог ты попытаться сейчас вспомнить, что толкнуло тебя в конце 1990-х к обращению к истории отечественной социологии? Только ли внешнее обстоятельство – необходимость дать студентам представление о том, что и как было, или развитие каких-то прежних проектов, например, работа над Тенишевским архивом [4], или просто стремление осмыслить, чему была отведена значительная часть собственной жизни?

БФ: Этот побудительный толчок, скорее всего, был связан с желанием вернуться к прошлому. Из 70 лет, прожитых к моменту, когда я дерзнул написать собственную версию этой истории, половина была отдана социологии. Власть прошлого я, как исследователь, особенно остро ощутил в перестроечные годы, обнаружив обширные лакуны и белые пятна в собственной картине советского мира. Еще меньше об этом прошлом знали мои молодые коллеги, представители первых когорт слушателей Европейского университета в Санкт-Петербурге. Так возникло требование, адресованное, прежде всего, к самому себе: не стоять в стороне от публичного и гласного объяснения советской истории, от осмысления опыта коллективного и индивидуального опыта жизни в советских условиях, тем более что научная моя профессия позволяла это сделать. Остальное – известно, как и то, что книга оказалась востребованной. Я продолжаю читать курс лекций для аспирантов-социологов, убеждаясь всякий год, что им нужны *мои* свидетельства и рассказы о былом.

БД: Мой вопрос, при всем его личностно-биографическом звучании имеет, прежде всего, более общее, науковедческое значение. Ведь от того, как ученый входит в новую для него тематику, от его мотивации, его предыдущего исследовательского опыта и изгибов его жизненной траектории во многом зависит его базовая точка зрения на анализируемый предмет-объект, его методология и, в конечном счете – результаты его работы. Я пом-

ню, что, начиная свой исторический проект, ты наметил несколько принципов анализа и обратился к ряду социологов с предложением высказаться, какой из стратегических планов изложения прошлого им кажется наиболее перспективным. И ответы твоих корреспондентов, а некоторые из них стояли у истоков современного этапа российской социологии, были различными. И вот сегодня не мог бы ты прокомментировать причины, по которым ты остановился на определенном подходе и стал его углублять? Предполагаешь ли ты каким-либо образом корректировать его в новом издании твоей работы?

БФ: Выбрать точку зрения на историю нашей многострадальной науки помогли мне коллеги по профессиональному сообществу, за плечами которых были десятилетия служения социологии. Большинство экспертов, а их всего насчитывалось 15 человек, отдали предпочтение подходу, с помощью которого можно было бы показать «восхождение на Голгофу» социологического знания в условиях послесталинского советского государства, а именно: раскрыть непростые отношения между социологией и властью, настойчиво пытавшейся сделать из социологов помощников партии, лишенных, однако, права на свободу научного творчества. Как бы отношения с новой властью ни складывались сейчас, помнить уроки несвободы следует постоянно. К тому же и степень независимости социальных наук от широко понимаемого политического контекста, от могущества денег оставляет желать много лучшего. Потому я сохранил основу «канонического» текста первого издания книги, но основательно обновлю комментарии и примечания, привлеку работы по истории нашей науки, опубликованные в последнее десятилетие. Однако лейтмотив книги останется неизменным: партийно-государственная власть сильно вредила общенародному делу. История советской социологии еще одно печальное тому подтверждение.

БД: Прочитав твои ответы, я подумал, а как я ответил бы на твой вопрос о причинах моего обращения к изучению истории советской/российской социологии и в чем я вижу связь разрабатываемой мною методологии с темами моих прежних исследований и с реалиями моей сегодняшней жизни.

Прежде всего, я отмечу, что мой подход еще лишь оформляется, многое – в стадии набросков, что я еще далек от того, чтобы на «нашей общей делянке» обозначить участки для глубокой проработки. Второе, если оставить в стороне процесс ранней социализации, который, по сути, формирует нас и наши интересы, и искать что-либо более «твердое», осознаваемое, то это – мое участие в конце 60-х – начале 70-х в опросах общественного мнения работающего населения Ленинграда, в организации которых ты играл главную роль. Какая цепочка соединяет то, что было тогда, с моими сегодняшними попытками исследований историко-науковедческой направленности? Я бы назвал ее простой, короткой и очень личностной. Некоторые детали перехода из «той» области исследований в «эту» изложены мною в беседе с нашей коллегой Ларисой Козловой и опубликованы в первом номере «Телескопа» за этот год [5]. Но если все схематизировать, то это движение можно обозначить такими вехами-интервалами: «почти четверть века исследования методологии и методов изучения общественного мнения и разных форм массового сознания» – «пять лет освоения американской действительности и «полного отдыха» от науки» – «восемь лет постижения американской истории становления опросных методов и в последние

четыре-пять лет – постепенное вхождение в историю российской социологии». Таким образом, мое «пребывание» в российской социологии не было непрерывным, возвращение в нее состоялось после почти десятилетнего перерыва. Кроме того, оно началось со статьи о Борисе Грушине, которую я рассматривал не как историческое, а как биографическое исследование. Произошел переход от анализа творчества и жизни Джорджа Гэллага и других пионеров измерения общественного мнения в США к описанию сделанного первопроходцем изучения массового сознания в СССР. По сути, я оставался в рамках того же предметного поля и тогда, когда делал мое первое биографическое интервью с тобой.

На протяжении первых пары лет, скажем, до начала 2007 года, мои интервью были элементом сравнительного российско-американского и историко-биографического проекта, и лишь постепенно, по мере накопления материалов и осознания необходимости его анализа начинали кристаллизироваться задачи более общего плана, и возникла идея создания истории нашей социологии с «человеческим лицом». Пока это – метафора, но я замечаю, как она рационализируется. В моем понимании нет безлюдного прошлого. События, последовательный ряд которых образует историю, во-первых, генерированы людьми, во-вторых, существуют или существовали лишь постольку, поскольку в них были заинтересованы какие-то группы и поскольку они были итогом чьей-то деятельности. И в этом смысле для меня прошлое советской/российской социологии существует как часть биографии создававших ее ученых.

Я понимаю ограниченность такой трактовки истории, но я не готов к историко-научковедческому исследованию, базирующему на иной методологии. Кроме того, что безлюдная история кажется мне серой, постоянная жизнь в Америке практически делает невозможным для меня использование в моей работе иных источников, чем воспоминания участников событий, и потому метод интервью становится для меня не просто удобным, но фактически – единственным.

Мне давно хотелось отыскать для исторического анализа такие события, в обсуждении которых могли бы участвовать несколько человек и которые в том или ином отношении были бы отражены в документах. Несколько лет назад мы с тобой говорили о том, что имеет смысл вспомнить о наших давних ленинградских опросах общественного мнения. Я продолжаю считать, что они имеют право быть отмеченными на какой-то странице истории советской социологии.

К тому же, оказывается, что здесь мы имеем дело с одним их тех выше смоделированных сюжетов, которые мне хотелось отыскать. Во-первых, мы оба – участники тех почти сорокалетней давности событий, во-вторых, ты добрался до архивных полок с отчетами об опросах общественного мнения, проведенных нами в то время. Так что следует попытаться вспомнить, что же тогда происходило, и осмыслить все с учетом прожитых лет и накопленного опыта.

БФ: В целом я согласен с тобой. Давай попробуем...

1. Как все началось, развивалось и закончилось

БД: С начала 70-х вплоть до 1984 г. мы изучали общественное мнение населения Ленинграда, все делалось под эгидой Ленинградского Обкома КПСС и при его небольшой поддержке. Тогда этот факт был известен относительно небольшому числу социологов в стране, и самые общие сведения о том, как все делалось, были скупо изложены в журнале «Социологические исследования» и ряде сборников. Но в целом эта страница развития ле-

нинградской социологии пока скорее «чистая», чем заполненная. Почему я думаю, что имеет смысл обратиться к прошлому, попытаться вспомнить, как все начиналось и как оборвалось, какая технология нами использовалась, какие результаты были получены?

Я не считаю необходимым здесь касаться общего вопроса о том, что должно или может быть объектом и предметом истории отечественной социологии, отмечу лишь ряд обстоятельств, которые, на мой взгляд, дают нам право рассмотреть этот частный фрагмент прошлого. Первое, этот проект длился достаточно долго, и в нем было много сделано: зафиксированы некоторые грани массового политического сознания населения «второй столицы» страны, разработаны и освоены методики и организация опросов. Второе, по тем временам проект явно обладал признаками новизны и мог бы стать актуальным, т.е. иметь определенное практическое значение. И это, думается не наша вина, а наша беда, что наш опыт попал «консервацию». Третье, без описания ленинградских опросов общественного мнения история становления этого направления российской социологии, будет неполной. Последнее касается ответственности за то, что нами делалось, и за то, что мы могли сделать, но в силу каких-то причин уклонились от этого. Мы как участники проекта должны дать будущим историкам российской социологии материал для их науковедческих построений и выводов. Пусть они и решают, было ли там что-то ценное.

А теперь задумаемся о «простеньком»: зачем руководству ленинградской партийной организации потребовалось изучать общественное мнение? В моем вопросе есть два временных среза: как ты тогда это понимал и как мог бы ответить сегодня? Ведь с тех пор прошло почти четыре десятилетия, мы изменились, мир изменился...

БФ: Я и сейчас понимаю это намерение обкома так, как я понимал его (намерение) тогда. Следов высокой политики, прозрения, желания установить обратную связь я во всей этой истории обнаружить не могу. В начале 1970-х гг. областные партийные организации начали обрывать автономным информационным хозяйством. Создать свою информационную систему в числе первых в стране решил и Ленинградский обком. Идея красивая, у других таких систем нет. Обком заметно выделялся на фоне родственных структур своими починами. Вот и записали пункт об информационной системе в решение очередного пленума в 1969 г., но записали с оговорками, что на воплощение идеи потребуется время. Что это такое, тогда мало кто знал. С этим решением оказался связанным еще один важный фактор, развитие так называемой партийной социологии. Нашей дисциплине тоже искали место в широко понимаемой партийной работе, учили социологическим методам слушателей высших партийных школ, пытались собирать нужные сведения на основе социологических исследований. Ты эту тему лучше знаешь, ибо, будучи преподавателем Ленинградской высшей партийной школы, участвовал в сборе информации в интересах обкома, изучал вместе с Андреем Здравомысловым бюджеты времени партийных работников районного звена.

Заместителем заведующего организационно-партийным отделом обкома КПСС в ту пору был Борис Алексеев, которому поручили воплотить в жизнь идею информационной системы. В недавнем прошлом секретарь Ждановского райкома комсомола, а затем один из секретарей Ждановского РК КПСС Ленинграда, он был инициативным и думающим человеком, любил все делать не только четко, но и хорошо. Размахнуться ему давали. Он начал приглашать к себе разных людей, кому мог доверять, и спрашивал, как им видится такая система, как ее лучше сделать. Одним из таких собеседников оказался я. Помню, как я сказал ему, что система должна ориентироваться на использование современной вычислительной и мно-

жительной техники, символами которой тогда были ЭВМ и ксероксы. Анализ всех массивов информации должен опираться на современные методы ее сбора, хранения и обработки. Иначе, зачем «попу гармонию»? На мой вопрос, какая из наук ближе всего стоит к целям и задачам системы, я безапелляционно ответил: «Социология!».

БД: В то время я мало задумывался о политической составляющей проектов, в которых участвовал, воспринимал их как задание по работе и как возможность применить знание математических методов. Ведь перед этим я более восьми лет изучал математику, и мне действительно было интересно понять, что она может дать практике. Сейчас же мне кажется, что исследования бюджетов времени партийных работников и опросы общественного мнения были следствием временного и ограниченного успеха либеральной части партийного аппарата в стремлении улучшить социализм, хотя тогда это формулировалось как «дальнейшее повышение качества партийной работы». Алексеев и многие его сотрудники, например, Владимир Вакуленко (который после работы в ОК КПСС много лет был директором Большого драматического театра, руководимого Георгием Александровичем Товстоноговым), были молоды, имели хорошее образование, читали «Новый мир» и любили Окуджаву. Они были достаточно амбициозны и связывали успех своей карьеры с допустимыми изменениями в политической жизни страны. Как преподаватель Высшей партийной школы, я помню немалое число слушателей, пытавшихся связывать очевидные трудности социалистического строительства с действиями власти.

Не мог бы ты вспомнить, как все начиналось? Это было следствием твоей (еще кого?) записки в Обком? Кто тебе позвонил? Где состоялась первая беседа? Что было сказано? Интересовался ли твой собеседник твоими суждениями по поднятой им проблеме? Ты сразу согласился возглавить работу по изучению общественного мнения или попросил время на размышления и ответ?

БФ: Алексеев просил подготовить записку на его имя как заместителя заведующего отделом обкома. Я написал, разбив несколько положений: разработка и эксплуатация системы должна опираться на потенциал академических и проектных институтов; изучение общественного мнения населения Ленинграда может быть одной из внешних задач системы и ряд других. Записку мы с ним обсуждали несколько раз, внося в нее коррективы. Вопросы о ее судьбе я никогда не задавал до поры, когда мне стало известно, что проект всей системы будет разрабатываться специальной организацией, а я стану одним из его соисполнителей, представляя академическую науку. Но ты сам понимаешь, давно все это было, многое забылось, могу ошибаться в датах.

БД: Недавно я писал тебе, что нашел записную книжку, в которой отражены события моей жизни с 20-х чисел апреля 1971 г. по июнь 1972 г. Понятно, что тогда никаких планов на воспоминание всего происходившего через три с половиной десятилетия у меня не могло быть. Писал для себя, скорее всего потому, что в течение долгого времени чувствовал неопределенность в своем профессиональном будущем, да и с местом работы не все было ясно. Формально, я был сотрудником кафедры марксистско-ленинской философии Ленинградской Высшей партийной школы, но прикомандированный к тебе, я основное рабочее время занимался созданием той системы изучения общественного мнения, о которой мы сейчас говорим. Так вот, мои записки позволяют конкретизировать сказанное тобою, и это важно не только в фактологическом отношении, но и в методическом плане. В последние годы мы оба занимаемся историей российской социологии, и оба понимаем, что наши построения в значительной степени зависят от информационной базы, которой мы располагаем. А память – инструмент не очень надежный, теперь мы оба в этом можем убедиться.

Потому сказанное тобою: «В начале 1970-х гг. областные партийные организации...» может, благодаря моим запискам и ряду анкет, сохранившихся в моем архиве, мы сможем уточнить и дополнить эти слова теми событиями, о которых мы оба забыли, но которые – в цепи всех других обстоятельств – играли свою роль.

БФ: ...да, интересно...

БД: В нашей статье в журнале «Социологические исследования», написанной тремя Борисами - Алексеев, ты и я – сказано, что в 1969 году ЦК КПСС (Алексеев это знал наверняка) принял постановление «О состоянии и мерах по улучшению партийно-политической информации». И вот, конкретизируя это указание вышестоящей инстанции, Ленинградский обком КПСС решил создать свою систему изучения мнений и настроений трудящихся, привлечь к этому научные силы города и обеспечить материальную базу всей этой деятельности – специализированный вычислительный центр [6]. Очевидно, что Алексеев не мог ошибиться в датировке документа вышестоящей организации. Помимо этой публикации, появившейся через восемь-девять после начала создания системы и проведения опросов, в 1981 году у нас была еще одна совместная с Алексеевым статья [7]. Поскольку других текстов, рассказывавших о той работе, у нас не было, получается, что в течение десяти лет мы не имели права «раскрывать рты» по поводу проводимых исследований, а потом – говорить лишь при участии (под контролем) ответственного сотрудника партийного аппарата.

Уже в апреле 1970 года – тогда я еще не вел своих записей, но у меня есть анкета, на которой это указано – было проведено исследование по участию рабочих в управлении делами коллективов (я пользуюсь терминологией того времени), которое разрабатывалось Леонидом Бляхманом, Андреем Здравомысловым, Овсеем Шкаратаном, Владимиром Ядовым и тобою. Я отвечал за обработку этого массива на ЭВМ.

БФ: Понимай это как «обкатку» идеи системы и ее социологической части. Чтобы включить социологию в свою орбиту, нужны были социологические аргументы и факты. Потому и позвали наших коллег что-то сказать. Все они тогда имели отношение к труду, к изучению рабочих. Алексеев спросил меня, можно ли что-то сделать «в стиле изучения общественного мнения». Как я теперь понимаю, осторожный Алексеев хотел убедиться в том, что я что-то умею делать. Все это было в начале 1970 года.

Скорее всего, осенью того же года у меня состоялась беседа в обкоме о создании специализированной системы (СС) по изучению общественного мнения. Там обсуждались в общих чертах вопросы разработки документа, я его назвал Аванпроектом, обосновывающего цели и технологию изучения общественного мнения рабочих и служащих Ленинграда, а также описывающего методы, процедуру сбора первичной информации и возможные варианты оперативной обработки собранных данных.

Речь шла о проверке реализуемости идей, закладываемых в Аванпроект. Обком согласился с нашим предложением первый опрос связать с главным политическим и идеологическим событием следующего года – XXIV съездом КПСС. Съезд намечался на 30 марта – 9 апреля 1971 года, и было необходимо получить как можно быстрее реакции ленинградцев.

Сейчас мы знаем, что результаты нашей работы никому нужны не были: мы не имели права их публиковать, и, судя по всему, даже партийный актив города не знакомили с результатами опроса.

БД: Вспоминая то время, я думаю, что этот опрос можно было провести, только имея кураж, огромное желание выложиться и доказать, что мы не просто «мечтатели», строители «воздушных замков». Передо мною анкета того исследования, в выходных данных указана дата на-

шего заказа – 7 апреля 1971 года. Я помню, мы до последнего момента ждали, не будет ли каких непредвиденных обстоятельств в работе партийного форума, и оттягивали завершение подготовки опросного документа и его тиражирование. Проводился он под шапкой Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации, сбор данных проходил, мне кажется, в последний день съезда, а результаты обработки мы имели на следующее утро.

Мы уже вели эту нашу беседу, когда осенью 2008 года я оказался на Конгрессе российских социологов в Москве и молодая преподавательница Государственного университета - Высшей школы экономики Ольга Свешникова попросила рассказать меня о том, как мы опрашивали людей и как обсчитывали получаемую информацию. Вопрос, как ты иногда говоришь, был «на засыпку», но я начал вспоминать. Когда я расписывал нашу процедуру анкетирования и схему обработки на счетно-перфорационных устройствах, мне казалось, что она видела во мне человека из каменного века [8]. Конечно, сейчас мне самому с трудом верится во все это, ведь многие не знают, что такое счетно-перфорационные устройства. Но, замечу, именно эту вычислительную технику использовали Джордж Гэллуп и другие полстеры США во второй половине 1930-х годов (!).

Но все так и было... Все анкеты мы проверяли на полноту заполнения, и затем отправляли их на обработку. В течение вечера счетно-перфорационные станции в разных районах города переносили информацию с анкет на перфокарты, потом все доставлялось на Владимирскую площадь. В здании Владимирского собора, в огромном зале, где теперь совершается служба, тогда размещались цеха центральной счетно-перфорационной станции Ленинграда. Ночью все обрабатывалось, и утром мы получили гору табуляграмм. Потом результаты обчетов вписывались в заранее заготовленные таблицы, писался краткий оперативный отчет и к обеду итоги опроса были в обкоме партии.

По той же самой программе и с использованием аналогичной выборки 18 мая 1971 г. был проведен повторный опрос, в котором все без исключения результаты, полученные в первом зондаже, повторились. В обоих случаях применялся оперативный режим сбора, обработки и выдачи экспресс отчета. Расчетный норматив времени для этого режима - 24 часа, кажущийся и сейчас фантастическим - был выдержан. Я думаю, что эти, проведенные в неправдоподобно короткие сроки, два опроса с выборками по две тысячи человек показали руководству города и области, что социологи действительно способны «снять» картину мнений весьма оперативно.

БФ: Да это был еще один экзамен, на этот раз для всех, кто имел отношение к исследованию.

БД: Судя по моим записям, в конце 1971 года или в январе 1972 года Б. Алексеев возглавил общий отдел и переселился в специальный коридор, совсем близко от кабинета Г. Романова, который с 1970 по 1983 год был первым секретарем Ленинградского обкома КПСС. Вот тогда у нас, говоря современными словами, появилась «надежная крыша».

Вскоре после нашего первого опроса в Ленинграде побывал Федор Михайлович Бурлацкий, в то время – заместитель директора Института конкретных социологических исследований АН СССР, вместе с Алексеевым он имел аудиенцию у секретаря обкома по идеологии З. Кругловой. Потом вы с Алексеевым ездили в Москву. Все это показывает, что первые опросы были восприняты руководством обкома и ИКСИ положительно. Не помнишь ли ты, что конкретно обсуждалось в Москве или какое организационное решение готовилось?

БФ: Если мне не изменяет память, то обсуждалась возможность поручить моей группе, тогда - структур-

ному подразделению ИКСИ, работу в интересах обкома КПСС, а именно, подготовку проекта специализированной системы изучения общественного мнения, а затем и ее эксплуатацию. После этого мы получили комнату в Смольном и стали разрабатывать свою часть Информационной системы обкома КПСС. Организационных решений по данному поводу не принималось. Все держалось на договоренности сторон.

БД: Как ты думаешь, почему именно тебе предложили создать систему по изучению общественного мнения? С одной стороны, действительно, в Обкоме многие высокого уровня руководители знали тебя сначала как комсомольского лидера, затем – как секретаря Дзержинского райкома КПСС и директора Ленинградского телевидения в 1962-1966 гг. С другой стороны, по их представлениям, ты не «оправдал доверие партии», ведь тебя последовательно освободили от должности первого секретаря райкома (за отказ перейти на работу в аппарат ЦК КПСС), а потом - по настоянию руководства Обкома за идеологические промахи – от должности директора Ленинградской студии телевидения [9].

БМ: Меня выбрал Алексеев, который, вероятно, сказал недавно сменившемуся партийному руководителю Ленинграда и области, Г. Романову, что он других кандидатур не видит. С Романовым мы тогда были хорошо знакомы. В пору, когда я работал первым секретарем Дзержинского РК КПСС, он занимал более скромное место в партийной иерархии – выполнял обязанности второго секретаря Кировского РК КПСС. Угрызений совести по поводу моих «ошибок» я никогда не испытывал. Наверное, Алексеев «выхлопотал» мне индульгенцию. Может быть, в обсуждаемом случае преобладала прагматика – нужны были люди, способные руководить созданием нового дела. Так было всегда, иначе бы не появились «шарашки»!

БД: Это точно... хорошее сравнение. Ты помнишь двусстишие Эрика Соловьева о первых опросах Бориса Грушина... он «занимался серьезно вполне / общественным мнением в безгласной стране». Игорь Кон говорил нам, Борись, что вы изучаете, общественного мнения у нас нет. Что ты думал по этому поводу в те годы? Что в твоём понимании общественного мнения в СССР дала только что завершённая тобою работа по разномыслию в России?

БМ: Вопрос очень обширный, если не сказать безграничный. В книге я ограничился 1960-ми годами. Уже в ту пору, в 60-е годы, стало ясно - опросы грушинского Института общественного мнения при газете «Комсомольская правда» тому порукой - общественное мнение было готово к тому, чтобы заявить о себе во весь голос. Чем солиднее, надежнее были бы гарантии его публично выражения, тем сильнее и откровеннее оно звучало бы как голос народа. Я намеренно прибегаю к условно-солагательному наклонению, поскольку гарантий свободного выражения не было, действовали партийные регламенты, идеологические табу и запреты. Чего стоят одни «Перечни сведений, запрещенных к публикации в открытой печати», «талмуды» Главлита СССР, где постоянно обуздывалась сфера прилюдно произносимого вслух и публично выражаемого с помощью печатного слова. Единственно до чего не додумались ребята из Главлита, пуповиной связанного с «компетентными советскими органами», так это – начать публикацию перечней того, о чем нельзя было думать наедине с самим собой. У меня даже есть игривое название для «Перечня...»: «Ни-ни!».

Итак, один замедлитель, морозильная камера для выражения общественного мнения – социально-политические условия жизни страны, цензура мыслей и поведения. Люди-то на самом деле думали обо всем на свете, но распускать вслух и боялись, и не соглашались, и не хотели «колоться», не зная истинных целей и не понимая назначения опросов. Кто как...

В каком-то смысле в роли замедлителя выступала и сама социологическая наука, ментально не готовая к тому, чтобы спрашивать всех и каждого *обо всем на свете*. Вспомни, как мы мучительно сочиняли первые методики опросов об отношении к съездам КПСС брежневской эпохи и планам пятилеток. Язык методик был натруженным, напряженным, пропитанным новоязом, далекий от естественного диалога с людьми. Самоцензура сильнейшая!

БД: Мой архив далеко не полон, однако, в нем есть, мне кажется, главное: три анкеты, использовавшиеся нами в 1971, 1976 и 1981 годах при изучении отношения трудящихся к работе XXIV, XXVI съездов КПСС, а также – анкеты опросов по итогам IX (1975 г.) и X (1980, 1981 гг.) пятилеток. Есть и опросный документ еще одного политического исследования: «Ваше мнение о проекте Конституции СССР» (теперь называемой «Брежневской»), проведенного в августе 1976 года, месяца за полтора до ее принятия. Конечно, мы постоянно думали о том, как сформулировать то, что мы хотели узнать, но при этом отойти, насколько это было возможно, от идеологических штампов. Я пролистал сохранившиеся у меня анкеты и откровенно «косых», заидеологизированных шкал в них не обнаружил. Скорее, в них присутствует упрощенчество в трактовке изучавшихся нами достаточно сложных социальных явлений и, соответственно, недостаточная глубина измерения. Но ведь многого мы и сами не знали.

Например, при анализе отношения людей к съездам КПСС, мы ограничивались измерением степени их знакомства с документами этих партийных форумов, но никогда не касались более широких тем, таких как доверие партии, понимание ее роли в обществе, поддержка ее политики. Отчасти это объясняется оперативным характером наших опросов, мы не могли опрашивать долго людей на рабочих местах, но все же «степень знакомства» с документами – не самый точный, валидный показатель отношения к съездам партии.

Ты начал говорить о препятствиях, которые приходилось преодолевать, чтобы «достучаться» до сознания людей. Эту тему можно продолжить?

БМ: Да, конечно, назову третий фактор – закрытость получаемых нами результатов. Респондент, только что ответивший на вопросы, фактически был лишен права на следующий день узнать из газет или телевидения, как на те же вопросы ответили все участники исследования или отдельные группы. Он был лишен возможности найти себя, свое место в мире мнений других людей, понять, находится ли он среди большинства опрошенных или представляет точку зрения меньшинства. Грушин в его блистательном анализе массового сознания 60-х - 70-х годов, я имею в виду его эпохальные книги «Четыре жизни России», тоже разговаривал не вдруг, а услышали его современники и сограждане хрущевской и брежневской поры лишь в XXI веке. Да и наши скромные этюды на темы общественного мнения были по моему настоянию рассекречены лишь несколько лет тому назад. Они еще ждут предания гласности.

И последнее: за многие годы советской власти все было сделано для того, чтобы лишить общественное мнение главной социальной роли – быть одной из ветвей, институтом народовластия в обществе. Политическую культуру населения осознанно держали на очень низком уровне. Напомню, многие рабочие и служащие Ленинграда, в 1970-х годах числившегося по историческому реестру «колыбелью революции», не понимали важности и не принимали ряда политических прав и свобод, декоративно вписанных в «Брежневскую» конституцию. Вот где беда! Им представлялись достаточными привычные права на труд, отдых, образование, медицинское обслуживание и пенсионное обеспечение в старости.

Но все-таки через много лет, я возражу Игорю Кону: общественное мнение было, но в том его состоянии его правильнее называть катакомбным. В моей книжке о разномыслии сказано, что в катакомбах всегда была жизнь. В древнеримских катакомбах собирались тайком ранние христиане, отправляя обряды новой, с муками рождавшейся религии, а в катакомбах Одессы в войну укрывались партизаны, нанося немалый урон оккупантам.

БД: А не кажется ли тебе, что катакомбное общественное мнение это уже почти и не общественное мнение, как суверенная демократия – не демократия?

БФ: Всякий эпитет, любое образное определение что-то прибавляет или отнимает от определяемого слова. Эталонном гласности и гражданственности катакомбное общественное мнение не назовешь, оно было вещью в себе, нуждавшейся в самораскрытии «изнутри» и раскрытии «извне». Ему пришлось еще два десятка лет сидеть под колпаком партии, однако едва колпак исчез, как оно сразу, без запинки недвусмысленно заговорило во весь голос в перестроечную пору.

БД: Я познакомился с Грушиным поздно, в начале 1985 года, незадолго до моей защиты докторской диссертации, ты – много раньше (может, в Кяэрику?)... не помнишь, обсуждал ли ты с ним твои планы по изучению общественного мнения?

БМ: Нет, в 70-е годы, после того как я защитил кандидатскую диссертацию (Грушин был одним из моих оппонентов), я много занимался исследованиями коммуникации. Грушин тогда вел Таганрогский проект. По этой причине точкой пересечения наших научных интересов и увлечений стали массовые информационные процессы. Грушин изучал их в условиях среднего советского промышленного города, каким был Таганрог. Я пытался понять, как эти же процессы протекали в мире. Ты знаешь, что я добился стипендии ЮНЕСКО и несколько месяцев 1972 г. провел в Париже, в штаб-квартире этой организации. ЮНЕСКО тогда много и полезно занималась проектированием и развитием современных радиотелевизионных систем в странах «третьего» мира. Изучение международного опыта помогло мне выдвинуть идею человеко-центричной коммуникации (ориентация прессы, радио и телевидения на интересы аудитории), что сильно сблизило нас с Борисом. Именно по его просьбе я написал рецензию на книгу по результатам Таганрогского проекта для журнала «Коммунист». Так что совместное обсуждение планов изучения общественного мнения было отложено вплоть до 80-х гг., но объединить наши усилия и создать Ленинградский филиал ВЦИОМ (такой вопрос обсуждался) мы не смогли. Да и я попал в 1984 г. в этнографическую ссылку...

БД: ...кое-что из этого было сделано. Когда ВЦИОМ приступил к созданию опросной сети, Татьяна Ивановна Заславская в 1989 году, будучи в Ленинграде по поводу вручения ей премии имени Карпинского, скорее всего с подачи Бориса, она тогда меня не знала, предложила мне возглавить небольшую группу по сбору информации – Северо-Западное отделение ВЦИОМ. Именно Борис через пару месяцев приезжал в Ленинград, говорил с партийным начальством города и руководством профсоюза, его тогда возглавлял наш бывший куратор – В. Коржов, о выделении нам помещения и другой помощи....

Вернемся, однако, к основной теме. Смотрю я на нашу первую анкету, опрос по поводу 24 съезда КПСС, в ней есть вопрос: «Ваша профессия (должность)» и далее – «заполняется совместно с анкетером». Рядом была напечатана небольшая табличка, в ней анкетер до начала опроса должен был обвести номер группы, к которой относится респондент. Таких групп было шесть, и анкеты имели при себе инструкцию по кодированию. Например, в конструкторских или проектных организациях Группу 1 составляли младший обслуживающий персонал, подсобные и

вспомогательные рабочие, не имеющие специальной подготовки. Группа 5 – инженеры всех наименований, Группа 6 – руководители организации и структурных подразделений, главные специалисты. Когда я вошел в твою команду, эта схема выборки уже была разработана.

Пожалуйста, скажи, откуда появилась идея использования именно такой стратификации работающего населения. Кто консультировал тебя по составлению списка профессий, относимых к каждой из шести групп в отобранных отраслях? Я точно не помню, в скольких отраслях мы отбирали предприятия? Почти во всех случаях, за редким исключением, на каждом предприятии мы опрашивали не более десяти человек, только на гигантах, типа «Кировского завода», - по двадцать. Это значит, что каждый опрос проходил примерно на 200 предприятиях. Верно?

БФ: Эту выборку рассчитал я. Однако, в отличие от Овсея Шкаратана, который меня основательно консультировал (он занимался стратификацией рабочих и служащих в зависимости от содержания и вида труда, его модель называлась «пятичленкой» и позволяла любого из работающих разместить на шкале, крайними точками которой были умственный труд и простой физический труд), я ввел «шестишленку», куда были добавлены руководители, чье сознание могло сильно контрастировать на фоне сознания подчиненных. Тогдашняя статистика делила всех трудящихся на рабочих и служащих. Рабочие подразделялись на неквалифицированных (1), куда относили также МОП – младший обслуживающий персонал, уборщиц, вахтеров, сторожей; и на квалифицированных (2). Служащие делились на служащих в собственном смысле этого слова, например, учетчики, табельщики, работники канцелярий, чьи должности тогда не требовали специального образования (3); техников и инженеров, то есть на специалистов средней (4) и высшей квалификации (5), и руководителей цехов, отделов, предприятия в целом (6). На самом деле «оттенков» было больше, однако всех работающих можно было разбить на эти шесть групп в каждой из отраслей народного хозяйства. Отраслей было около 20, от промышленности до органов государственного управления, но я отобрал только 12 с численностью работающих не менее 0.5 процента от всей совокупности рабочих и служащих. Разумеется, не вошедшие в выборку малочисленные отрасли были пересчитаны на весь массив.

Меня пустили в святая святых, в Статуправление, где на основе сведений о распределении всех работающих по отобранным отраслям, было нетрудно рассчитать шестишленку (социально-профессиональную структуру) для каждой из них, сопроводив ее примерами наиболее часто встречающихся, массовых профессий (должностей) для каждой социально-профессиональной группы каждой отрасли. В итоге была получена сводная картина – «шестишленка» для города в целом (в %), с разверткой по 12 отраслям народного хозяйства. Получилась, таким образом, базовая матрица (6 x 12), пользуясь которой можно было отобрать 200 предприятий (гнезд), представляющих отраслевую структуру Ленинграда, а затем расписать квоты (по 10 человек) для каждого из них. В реальности квоты включали представителей 3-4 групп, входивших в шестишленку. Предприятия-гнезда отбирались очень тщательно.

Для меня сделали списки наиболее многочисленных предприятий и учреждений (с указанием численности работающих), где трудились более половины всех занятых в каждой отрасли. По ним, с «шагом», равным 10 тысячам человек были отобраны предприятия для опроса рабочих и служащих конкретной отрасли. Вся эта премудрость потом была описана в Аванпроекте специализированной системы. Сейчас этот документ рассекречен, хотя в нем никогда ничего секретного не содержалось. Но действовало правило: все документы, раскрывающие

деятельность партии, являются секретными. Вот они и уберегали партию от «сглаза».

БД: Пока мы говорили с тобой об опросах общественного мнения, но это не все, чем мы занимались. На каком-то этапе наши исследования начали фокусироваться и на разработке приемов анализа писем. Когда это произошло? Это был запрос нашего заказчика или согласие с твоим предложением?

БФ: Сюжеты с письмами, назову их московскими, возникли после того, как Алексеев получил повышение и стал работать в качестве заместителя заведующего общим отделом ЦК КПСС. Мне кажется, что он и был переведен туда с условием, что свой ленинградский опыт он внедрит в столице. Говоря иначе, с его участием было принято решение о создании на базе ЭВМ информационной системы ЦК КПСС, одна из задач которой состояла в машинной обработке и анализе писем трудящихся в ЦК КПСС, а также в Правительство, печатные органы партии и наиболее массовые газеты. К реализации этого масштабного проекта были привлечены организации и конкретные разработчики проекта Ленинградской системы, включая и нас.

БД: Я понимаю, что мой новый вопрос будет не из самых приятных для нас, однако я задам его: «Чем закончилось изучение писем?». Ясно, твой ответ мне известен, но все же постарайся изложить его максимально детально. Мне кажется, что содержание твоего ответа может представлять интерес для историков советского этапа российской социологии.

БФ: Вопрос абсолютно закономерный. В течение всего периода изучения нами общественного мнения в интересах обкома наш «заказчик» осторожничал, прибежал к самоцензуре, дул на воду, «ни разу не обжегшись на молоке», боялся обнаружить в высказываниях и оценках людей критику или недовольство положением дел в стране, области, городе. Не случайно Г. Романов после избрания его в 1976 году в состав Политбюро ЦК КПСС, ввел специальную должность инструктора отдела агитации и пропаганды обкома КПСС, который обязан был отслеживать прессу, центральную и местную, следить за благочинием и стерильностью информации о Ленинграде. Корреспондентов центральных газет по Ленинграду, газета «Правда» здесь не была исключением, по сути, назначал и смещал обком КПСС. Вырезки из газет и обзоры на тему «СМИ о Ленинграде – городе технического прогресса и колыбели пролетарской революции», ежедневно вкладывались в рабочую папку Романова. Любой выход за контуры «священного» для всей страны образа города был причиной разбирательств и расследований. Корреспондент, взявший неверную ноту в песнях о Ленинграде, становился персоной «non grata». Весь путь Романова от особняка в пригороде Осиновая Роща, где он жил, до обкома был декорирован лозунгами-растяжками оптимистического содержания. Например, выезжая на магистраль из своего «закулка», он мог прочесть на кумаче: «Ленинскую политику КПСС одобряем!». Семантика этой фразы не оставляет сомнений, что ему был по душе этот «message», как бы исторгованный из глубин народного сознания в виде благодарности партии, и ему, как одному из видных лидеров, за заботу о советском человеке и сохранении образцовости Ленинграда.

Этот надуманный и весьма чванливый фон, точнее сказать, постоянная жажда лести и похвалы, пусть не себе, а городу, доверенному ему, Романову, партией, и есть причина того, что нашей бурной деятельности в качестве боевых помощников КПСС был положен конец.

БД: Здесь замечу, за годы работы мы не сорвали ни одного опроса и не имели никаких, как тогда говорили, рекламаций...

БФ: ... да, это верное добавление. Так вот, произо-

шло следующее. Предпоследний Генсек ЦК КПСС, Юрий Андропов был человеком большим. Неудивительно, что, придя в 1982 году к власти, он поставил перед собой цель – улучшить систему здравоохранения, поднять медицину. С этой целью он поручил своим референтам собрать как можно больше убедительной информации из разных источников, которая говорила бы в пользу неотложного и радикального реформирования медицины. Один из аппаратчиков (через своего друга, заместителя директора ИСЭП АН СССР Н.Толоконцева) знал о нашей системе изучения общественного мнения. В один из визитов этого работника ЦК КПСС в Ленинград Толоконцев познакомил его с нашими материалами, отчетами об исследованиях, копии которых хранились в институтском спецотделе. Хотя, сделав оговорку, исходя из условий режимности, это было нарушением правил «партийных игр в секретность». Толоконцев обязан был отметить в журнале, что он показывал документы посетителю (имя рек). Ранг этого посетителя значения не имел. Наверное, что-то запало столичному гостю в память. И он вспомнил и сообщил референтам, что в Ленинграде есть данные, которые могут оказаться полезными для Генсека ЦК КПСС.

Тогда я часто бывал в здании на Старой площади, поскольку был привлечен к разработке методов и задач машинного анализа писем в ЦК КПСС. Во время моей очередной командировки в Москву в конце 1983 года высокопоставленный друг Толоконцева пригласил меня к себе, мы были знакомы, и спросил, есть ли в наших отчетах материалы и факты, нужные Андропову. Я ответил, что есть, но что я не имею права их кому то ни было показывать без ведома «хозяев» информации. Я попросил моего собеседника позвонить в обком и запросить эти сведения официально. Звонок последовал незамедлительно, но реакция обкома как «низового» по отношению к ЦК КПСС звена, была более чем странной, по крайней мере, для меня, человека, признававшего демократический централизм важным принципом партийной жизни. Первый вопрос состоял не в уточнении того, что так необходимо Первому лицу в нашей партии, а в том, откуда факт наличия запрашиваемой информации стал известен в ЦК КПСС. Друг Толоконцева, хитрый лис, не сказал о том, что он читал наши бумаги «нелегально», с разрешения «болтуна» Толоконцева. «Хитрый лис» сослался на меня. Выполнение просьбы отложили до моего возвращения в Ленинград, где никто и не думал о поручении Андропова, кстати сказать, поручения государственной важности, ведь речь шла о радикальном пересмотре отношения к здравоохранению в стране. Обком, с подачи Романова, которому немедленно доложили об утечке «наверх» информации из Ленинграда, интересовал единственный вопрос – кто сообщил в ЦК КПСС о том, какими данными об общественном мнении располагает обком КПСС. От меня потребовали письменное объяснение, в котором я лаконично написал, что я не видел никаких причин для того, чтобы, находясь в стенах ЦК КПСС, скрывать факт наличия этих сведений.

Мои объяснения никого не удовлетворили, Ленинград стал к тому времени партийной вотчиной Романова, где принцип демократического централизма утратил свою силу и легитимность. По этой причине было решено, продолжая борьбу со всякими утечками информации, просьбу Андропова, косвенно адресованную в обком КПСС, не выполнять! Но этим не ограничились. Романов знал, что мы являемся разработчиками проекта для ЦК КПСС и что для отработки методов машинного анализа писем мы намеревались использовать письма в ленинградский обком КПСС как некие образцы текстов, с которыми «низы» обращаются в партийные «верхи». Но теперь Романов усмотрел в наших намерениях, не преследовавших никаких интересов, кроме чисто научных, еще одну, более серьезную предпосылку для «утечки» информации о положении дел на местах.

Он отдал распоряжение: участию Ленинграда в разработке информационной системы ЦК КПСС положить конец и отказаться от научных услуг сектора ИСЭП АН СССР, возглавляемого Фирсовым. В тот же день от нас были отобраны пропуска в Смольный, а все наши разработки, включая материалы об опросах общественного мнения рабочих и служащих Ленинграда в интересах обкома КПСС, реквизировал прибывший в институт порученец.

БД: Я хотел бы, чтобы мы немного обсудили результаты, полученные нами в 70-х, но прежде хотел бы тебя попросить вспомнить о том, как тебя исключали из КПСС за долгую и непорочную службу. Я склонен рассматривать эту историю как продолжение только что описанных событий. На мой взгляд, мы имеем здесь дело со звеньями единой цепи, примеры отношения партии к социологии и социологам.

БФ: Ты прав, в этой истории высвечиваются многие грани повседневной жизни советских социологов, их стремления узнавать и использовать опыт зарубежных коллег и масса приемов, к которым прибегала власть к тому, чтобы сохранить к тому времени давно поржавевший «железный занавес». В моем рассказе я буду использовать то, что в свое время рассказал мне эстонский социолог Микк Титма.

Поскольку мы долго и в целом успешно работали на обком КПСС, то директор ИСЭП АН СССР И. Сигов, мало что понимавший в социологии и постоянно «боровшийся» у себя в институте с социологами, ничего поделать с нашим сектором не мог. Избавиться от нас можно было единственным способом – дискредитировать перед Ленинградским обкомом партии и, тем самым, лишить нас неприкосновенности, партийного покровительства.

С начала 80-х годов наш сектор сотрудничал с финскими исследователями массовой коммуникации из Университета Тампере. Это была очень сильная команда во главе с профессором Каарле Норденстренгом, автором многих книг по массовой коммуникации, в то время Президентом Международного союза журналистов; в нее входили европейской известности профессора Тапио Варис, Юри Литтунен и ряд молодых, но уже опытных ученых. Мы готовили очередной советско-финляндский семинар, который должен был состояться в Ленинграде. Были написаны абсолютно стерильные, отвечавшие тому времени, доклады о современном советском образе жизни; своеобразные подтекстовки – обо всем и ни о чем. Тексты прошли цензуру, было получено разрешение Главлита в Москве на публикацию в открытой печати, это значит, и на вывоз за границу. Ксероксов у нас тогда не было, размножать бумаги было трудно, а у финнов были, и мы договорились с нашими партнерами о следующем. Мы высылаем эти доклады или передаем их каким-либо другим официальным путем, они размножат тексты и высылают нам тираж для распространения среди участников семинара. Времени было мало, и потому мы решили передать оригиналы докладов одному финскому коллеге, приехавшему в Таллинн, и просить его переправить их в Тампере. Этот финн повез документы в Финляндию. Провожавший его эстонский социолог (иностранцы не должны были знать, что такие документы существуют) предъявил разрешение на вывоз материалов за рубеж, которое я ему заблаговременно передал. Однако пограничник не смог проверить, что в портфеле финского коллеги находились именно разрешенные к вывозу документы. Финн был дипломатом, и его вещи не подлежали досмотру. Мы этого не знали.

Возникло целое дело. 16 октября 1984 г. состоялось заседание бюро обкома КПСС, на котором обсуждался вопрос «О серьезных недостатках в работе ИСЭП АН СССР». Проект решения предусматривал мое исключение из партии за грубые нарушения установленного порядка работы со служебными документами и для оправдания кары –

за серьезные недостатки в научной деятельности, о которых я узнал впервые только на этом заседании (!). Потом, в конце «разборки», как бы вспомнив мои «революционные заслуги», меня пощадил, объявили мне строгий выговор с занесением в учетную карточку. На заседании было заявлено, что я являюсь в идеологическом отношении ненадежным человеком и не могу работать в идеологически-стерильном институте, каким является, или должен стать в итоге партийной забот ИСЭП АН СССР. Так я оказался в ленинградской части Института этнографии АН СССР. Вкус к социологии на какое-то время был отбит...

2. Немного о результатах исследований почти сорокалетней давности

БД: Зная, что ушли в никуда материалы многих советских социологических исследований: места для их хранения никогда не было, коллективы распались, люди меняли места работы и так далее, я скажу, что нам «крупно повезло». Власть могла остановить наши опросы и расформировать наш сектор, но она была не в силах или не успела, отменить годами отлаженный регламент хранения материалов, поступавших в архив областного комитета КПСС. Помнишь, Алексеев говорил: «Надо все материалы исследований собирать, подшивать и ставить на полочку. Нас не будет, люди придут, почитают, узнают, что мы делали». Хорошо, мы с тобой еще живы, и сами можем заглянуть в те тома. Я очень рад тому, что все это есть, но где теперь все хранится?

БФ: Все это – в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга, расположенном в центре города, в очень красивом месте – Таврическая ул., 39. Есть там Фонд, называющийся: «Разработка информационно-вычислительной системы Ленинградской областной партийной организации. Материалы социологических исследований. 1967-1986». Опись включает в себя описание основных единиц хранения документов в рабочем архиве Общего отдела Обкома КПСС, являвшегося заказчиком социологических исследований.

БД: В первой половине марта 2009 года ты впервые увидел, что было тобой сделано 35-40 лет назад и многое из того, что ты с тех пор не видел... На мой взгляд, это – чудо. Испытывал ли ты какие-либо эмоции в момент этой встречи? Не мог бы ты это кратко описать.

БФ: Эмоции были, их не могло не быть. Я мгновенно вспомнил, что по капризу, по самодревству «первого лица», руководителя Ленинградского обкома КПСС, на нашу интенсивную и высокопрофессиональную деятельность, связанную с исследованиями общественного мнения в интересах партийных органов, был наложен секвестр. Урок для альтруистов и романтиков-шестидесятников весьма поучительный! Не вышло из нас Гэллалов, ибо Гэллалы партии были не нужны! Потому и выкинули нас с крыльца Смольного на академический двор, сопроводив депортацию крепкими подзатыльниками. Что до партии (в лице Ленинградского обкома КПСС), то она осталась верна многократно проверенным источникам информации о настроениях подвластного ей народонаселения – донесениям «компетентных органов» об антипартийных и антисоветских настроениях, дестабилизирующих режим, и сообщениям о поддержке лозунгов и политики руководства страны, укрепляющих режим. Так и дожил обком КПСС до августовского путча 1991 г., опираясь во многом на синкретизм откровенного доносительства и лживого славословия.

БД: Два десятилетия назад ты по наводке Юрия Асеева начал знакомиться с Этнографическим архивом князя Тенишева [4] – материалами о быте великорусских крестьян в конце XIX века... потом ты написал книгу об этом твоём путешествии в прошлое. Постарайся на миг забыть, что содержащееся в архивных материалах сотворено нами...

представим, что ты – социолог или историк, который в середине нового века изучает жизнь и сознание советских людей начала 1970-х... что дадут ему наши исследования? Или он в силу причин, которые ты уже сейчас мог бы назвать, откажется от анализа этих манускриптов?

БФ: Принимая на себя предложенную тобой роль, оговорюсь, что при этом я оставляю за собою право что-то знать о реконструируемом объекте в условиях «сложного прошедшего» времени. Без этих рамочных представлений предложенный тобой мысленный эксперимент окажется невозможным. Итак, если допустить, что гипотетический социолог (историк) обладает способностью читать советскую эпоху начала 1970-х, то, я думаю, у него будет повод, суммируя результаты наших исследований сказать, что то далекое для него прошлое становится более понятным, более осязаемым, поддающимся анализу.

Начну с проекта «Общественно-политическая активность рабочих и мнение руководителей предприятий о проблемах управления» (1970 г.); тогда мы опрашивали свыше 400 бригадных, цеховых и заводских руководителей, представлявших на каждом из трех уровней «четырёхугольники»: администрацию предприятий, их партийных, профсоюзных и комсомольских руководителей. И вот уже в этом месте я чувствую, как будет трудно в будущем разбираться в семантике слова «четырёхугольник». Один из вопросов нашей анкеты предлагал указать, на каком уровне (своими силами, на городском уровне или всесоюзном) следует решать наиболее злободневные проблемы труда и быта рабочих. Общественное мнение, т.е. все опрошенные, высказалось за то, что большинство этих проблем: текучесть рабочей силы, борьба с пьянством, материальное обеспечение рабочих, материальное стимулирование их труда, даже трудовая дисциплина должны решать «верхи», или власти города и страны. Себе опрошенные оставили не много – организацию труда рабочих, вовлечение их в анализ производства и, пополам с городом, осведомление о положении страны. Интригу – столкнулись ли исследователи в 1970 г. с бесправием непосредственных производителей или с хронической заблужденностью патернализмом – помогла бы разгадать весьма простая операция, анализ ответов по группам опрошенных (раздельно для бригадного, цехового и заводского звеньев). Оказалось, что чем более высокое место в общезаводской иерархии занимает опрошенный руководитель, тем с большей вероятностью он верит в эффективность решения проблем рабочих с помощью вышестоящего, городского/общесоюзного «начальства». Наиболее твердо настроены на поиск решения *большинства этих проблем* силами производственного коллектива, то есть на местах, руководители низового, бригадного уровня. Напротив, заводские руководители, вне зависимости от того, представляют ли они администрацию, партию или общественные организации (профсоюзы, комсомол) уповают по преимуществу на действие «внешних сил». Цеховые звенья занимают срединные позиции. Статистически выходило так, что лишь относительно меньшинство из общей массы в четыре сотни заводских активистов готово было взять на себя ответственность за решение актуальных проблем повышения политической активности рабочих, считая, что многое, если не все, зависит «от меня самого», «от нас самих».

Реальным субъектом исторического действия стали в сознании людей КПСС и гипертрофированный партийно-государственный аппарат. Ибо они, а не рабочие, обладали высокой степенью политической автономии, институтами для выражения и защиты своих интересов, ярко выраженной идентичностью и другими характеристиками, отличающими большинство их представителей от других социальных групп и слоев (например, реальным, а не виртуальным правом распоряжаться «общенародной» собственностью на средства производства). К тому же по-

стоянное размывание рабочей прослойки за счет других слоев населения, вызванное волнами индустриализации и коллективизации; массовая депривация всех слоев советского населения имели своим следствием снижение «классового» в представлениях рабочих и их повседневном поведении. Да и как могло быть иначе, если рабочие стали частью народного большинства, которое поддержало не столько гуманистические и демократические элементы революционных преобразований, сколько тоталитарное, диктаторское начало советской власти.

БД: Мне кажется, целесообразным, и я поищу, как это сделать, узнать мнение о написанном тобою у наших коллег, занимавшихся то время или несколько позже, сознанием рабочего класса и заводской элиты. В какой мере обнаруженное на группе ленинградских предприятий было характерно для страны в целом? Хотелось бы узнать, а каким образом современный рабочий класс и те, кому принадлежат предприятия и кто организует труд людей, смотрят на пути решения внутрипроизводственных проблем. Может быть, то, что обнаружилось почти сорок лет назад и, я помню, горячо обсуждалось тобою, Ядовым, Здравомысловым и Шкаратагом, имеет универсальный характер: встречается повсеместно. Возможно, правда, в каких-то иных масштабах и формах проявления.

Мы говорили выше, что одним из результатов этого опроса стало решение партийного руководства Ленинграда о создании системы регулярного изучения общественного мнения работающего населения города. Но этот опрос не был «нашим». А что интересного ты нашел в 100-процентно наших, «фирменных» опросах об отношении людей к съездам КПСС и к итогам пятилеток?

БФ: Ты прав, эти исследования и по тематике, и по технологии можно назвать фирменными, они – наша визитная карточка. Опросы «Эффективность массовой пропаганды документов и материалов XXIV съезда КПСС» (1971 г.), «Мнения трудящихся Ленинграда о реализации основных социально-экономических задач девятой пятилетки» (1975 г.), «Эффективность массовой пропаганды документов и материалов XXV съезда КПСС» (1976 г.) позволили – возможно, впервые для нашего обществоведения поставить на суд общественного мнения сакральную для всех советских времен генеральную линию партии. Это направление я считал важнейшим в наших планах, хотя и осознавал, что двигаться к поставленной цели придется долго и «мелкими перебежками».

Не без колебаний «заказчики» приняли нашу идею – впервые в истории КПСС выявить на основе представительной выборки отношение рабочих служащих к очередному съезду партии. Сравнительно легко согласовав техническую и организационную сторону дела, мы натолкнулись на одно неожиданное препятствие. Заказчик возражал против формулировки ответов на «настроечный» вопрос: анкеты «В какой мере вы знакомы с материалами XXIV съезда КПСС, опубликованными в печати?». Мы предложили традиционную для таких случаев равномерную шкалу ответов («ознакомился полностью», «ознакомился частично», «не ознакомился»), не подозревая (пишу обо всем совершенно искренно), что действительное распределение этих ответов является предметом серьезного служебного беспокойства заказчика: «Вдруг доля людей, выбравших второй и, «страшно подумать», третий ответ, будет настолько большой, что станет свидетельством равнодушного отношения трудящихся города, носящего имя великого Ленина, к главнейшему событию в жизни партии и страны! Может быть этот «настроечный» вопрос лучше убрать?» Смутила заказчика «естественность» третьего ответа: «Возможно ли, чтобы советский труженик не удосужился прочесть материалы съезда “без уважительных причин”»? В окончательной редакции злополучный ответ выглядел так: «не успел ознакомиться с материалами партийного съезда». По ле-

генде «смекалистого» заказчика это должно было означать, что респондент хотел, было, прочесть партийные документы, но какие-то внезапно возникшие обстоятельства помешали ему это сделать. Такова граница «правды», которую мысленно устанавливал партаппарат. Еще один возможный, но отвергнутый партийной цензурой, ответ («материалы съезда партии меня не интересуют») был связан с реальностью, вернее с той ее частью, куда «посторонним вход был строго запрещен». Лица, которые так думают, устанавливали уполномоченные на то органы, с которыми у партии были давние и родственные отношения.

И все же прорыв к сакральному знанию состоялся. Рабочие и служащие были достаточно хорошо осведомлены о материалах съезда. Это обстоятельство не скрыло определенных отклонений от показателей высокой информированности о событии. Наименее осведомленными оказались: беспартийные и члены ВЛКСМ в сравнении с членами партии; рабочие и служащие без специальной подготовки в сопоставлении со специалистами и руководителями трудовых коллективов; лица с образованием до 9 классов в сравнении с участниками опроса, имеющими высшее образование; молодежь в возрасте до 22 лет в сравнении с лицами старше 40 лет; женщины в сравнении с мужчинами.

Весьма дифференцированным оказалось мнение о фактических достижениях в различных областях жизни страны. К числу отраслей, чьи достижения оценивались высоко не менее чем двум третям опрошенных, были отнесены промышленность, наука и техника, жилищное строительство, культура, образование и просвещение. Вторую группу (от половины до двух третей положительных оценок) образовали отрасли, по преимуществу связанные с обслуживанием: транспорт, торговля, организация отдыха, охрана здоровья. Сюда же общественное мнение отнесло и сельское хозяйство. Наиболее резкую критику (менее половины положительных ответов) вызвали организация труда и привлечение трудящихся к управлению делами своих коллективов.

Еще один вопрос касался личных ожиданий связанных с будущим. Нас интересовали стороны жизни респондентов, на которые более всего повлияют решения съезда. Наибольшие ожидания в личном плане связывались с ростом количества и повышением качества промышленных товаров, расширением ассортимента продуктов, охраной здоровья. Уверенные ожидания перемен к лучшему в этих областях выразили свыше 50% респондентов. От 40 до 50% опрошенных связали свои надежды с улучшением уровня жизни, ростом доходов, улучшением жилищных условий, работы транспорта, организации отдыха. Наиболее пессимистично общественное мнение отнеслось к перспективам изменения условий для роста квалификации (29%) и расширения возможностей личного участия рабочих и служащих в управлении производством (26%). В моей книге о разномыслии есть место, где я вспоминаю о том, что большевистская пропаганда 1930-х гг. называла стахановцев людьми, которые ассимилировали манеры поведения и ценности образованных слоев, среды порождения среднего класса. Позднее, в хрущевское время и брежневское время то же самое говорили об участниках соревнования за коммунистический труд. Однако кем бы ни были рабочие и служащие, исходя из формальных признаков, они оставались государственно-зависимыми работниками, занятыми в народном хозяйстве по воле монополиста-работодателя в лице советского государства. Латентная доминанта настроений тех лет – удаленность сознания рабочих от понимания принудительной природы советской системы, которая постоянно отдаляла от рычагов управления жизнью производственных коллективов. Похоже, что не раз мы держали в руках нити к открытию этой горькой истины, однако сказать об этом не смогли. Возможно, что ска-

зался дефицит социологического воображения.

БД: Да, грустно... но что поделаешь? Мы намечали, что ты посмотришь архивный том, в котором собраны результаты нашего опроса об отношении работающих ленинградцев к проекту Конституции, принимавшейся в 1977 году. Добрались руки до этих материалов?

БФ: В опросе «Ваше мнение о проекте Конституции СССР» (1977 г.) участвовало 2170 человек, представлявших работающее население Ленинграда, занятое в 12 основных отраслях народного хозяйства. Как обычно, наша выборка репрезентировала эту генеральную совокупность по социально-профессиональному положению, полу, возрасту и партийности. Мне кажется, что тогда нам удалось нащупать одну важную болевую точку «сложного прошедшего». А именно: степень признания важности политических прав (свобод, гарантий), включенных в текст «брежневской» Конституции, оказалась ниже в сравнении с аналогичными оценками социально-экономических прав. В среднем важность последних подчеркнули 95% участников опроса, а в каждой группе респондентов – не ниже 90%. Тот же показатель (важность) для политических прав составил в среднем 81% (71% для свободы творчества, 78% для права участия в управлении, 67% для права объединяться в общественные организации и свободы совести). Для оценки общественной атмосферы и климата общественного мнения в период застоя эти биения, перепады оценок следует признать значимыми.

Как показал анализ, люди испытывали определенные затруднения в понимании существа отдельных конституционных принципов (статей), заново включенных в проект текста Конституции, или же считали, что их собственная жизнедеятельность оставалась (складывалась) вне сферы реальных общественных отношений и норм, отражавшихся этими положениями. Суммируя эти ответы с ответами и реакциями, выраженными в форме комментариев к ответам, удалось выделить ряд характерных мотивов, объясняющих отношение рабочих и служащих к отдельным статьям проекта Основного закона:

1. Мотивы неподготовленности респондентов к использованию прав. Например, суждение по поводу права гражданина СССР на участие в управлении обществом (статья 48): «Не считаю себя подготовленным к такой работе».

2.. Мотивы, связанные с неосознанием права или свободы. Например, суждение о свободе совести (статья 52): «Не использовал в своей жизни эту свободу»; суждение по поводу свободы слова, печати, собраний (статья 50): «Не приходилось сталкиваться с этой свободой, то есть организовывать митинги и шествия и т.д.»

3. Мотивы, связанные с устранением (отказом) от использования права. Например, суждение в связи с правом граждан объединяться в общественные организации: «В общественных организациях я не участвую».

4. Мотив отключения от сферы действия права. Например, суждение в связи с гарантией неприкосновенности личности (статья 54): «Меня это не беспокоит».

Конечно, степень устойчивости и распространенности такого рода мотивов нуждалась в дополнительной проверке, «заказ» на которую не последовал, хотя весь массив полученной информации давал основания сделать вывод о необходимости интенсивно формировать правовое сознание трудящихся (населения в целом), стремиться к повышению правовых знаний и правовой культуры. На их острый дефицит прямо указывали наши данные.

* * * * *

БД: Не мы первые обращаемся к собственным исследованиям многолетней давности. Борис Грушин в своем «четырёхкнижии» задумывал дать широкую картину сознания населения страны в годы правления Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Судьба не позволила ему

реализовать все запланированное, но даже сделанное – внушительно в методологическом плане и в собственно социологическом. Менее известны, но очень содержательны около десяти толстенных книг Франца Шереги, построенных на анализе материалов его опросов 70-х – 90-х годов и современных исследований. И все же – еще довольно редким оказываются обращения российских социологов к собственным давним данным и к материалам других исследователей. Что бы ты, посвятивший ряд последних лет анализу разномыслия в СССР и изучению истории российской социологии, сказал о перспективах подобного ретроспективного анализа? О его сложности, ограниченности и актуальности...

БФ: Такого рода анализ актуален уже потому, что от ностальгии по советскому прошлому продолжает страдать значительная часть россиян, будучи лишенными средств интерпретации этого прошлого. Ограниченность анализа, о котором ты спрашиваешь, активным и грамотным познающим субъектам не является помехой. Все-таки СССР, это не Атлантида. Сложность – фактор значимый, но он не должен останавливать пытливых и упорных в своем стремлении исследовать уходящую советскую натуру. Подозреваю, что мы могли уже сильно утомить читателей нашего диалога, который для каждого из нас двоих является особой формой сохранения взаимной привязанности в условиях пространственной раздельности. Поэтому скажу коротко: нужно создать новое и перспективное направление социологических исследований – социологию СССР. Есть много умных и талантливых российских и зарубежных ученых, которые могли бы создать высокую репутацию и обеспечить успех этой отрасли социологического знания в союзе с другими социальными и гуманитарными науками. Соглашусь для пиара назвать ее постмодернистской советологией!

Фирсов Б.М. История советской социологии 1950-1980-х годов. Курс лекций. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001.

Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

Докторов Б.З. Фирсов Б. М. Правилom является разномыслие. Б. Фирсов рассказывает о своей новой книге Б. Докторову // Социологический журнал. 2008. №3. С. 152-174.

Быт великорусских крестьян-землепашцев (по материалам Этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева) / Сост. и авт. вступительной статьи, описания материалов Владимирской губернии и научно-справочного аппарата Б.М.Фирсов и И.Г. Киселева.- СПб.: Изд-во Европейского дома, 1994.

Докторов Б., Козлова Л. «Телескоп» смотрит в прошлое. Беседа об изучении истории современной российской социологии // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 1. С. 2 – 15 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content12357255464727file.pdf>.

Алексеев Б.К., Докторов Б.З., Фирсов Б.М. Изучение общественного мнения: опыт и проблемы // Социологические исследования. 1979. №4. С. 23-32.

Алексеев Б.К., Докторов Б.З., Фирсов Б.М. Изучение общественного мнения: вопросы организации исследований // Социологические исследования, 1981, №1. С. 78-85.

К генезису современной российской социологии: второе рождение, а затем – возрождение (Интервью О. Свешниковой с Б. Докторовым) <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/sveshnikova_09.html>.

Б. М. Фирсов: «...О себе и своем разномыслии...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №1. С. 2-12. <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202893545365654file.pdf>.